

УДК 1 (091)

**Виноградов А.И.***Мурманский государственный гуманитарный университет***ГРАНИЦЫ КАК ФАКТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА ИСТОРИИ**

*Аннотация.* В статье деятельность субъекта истории рассматривается с точки зрения тех условий, которые задаются существованием границ. Каждый субъект, действующий в истории, вынужден позиционировать себя по отношению к явлениям, разделённым границами. Этот выбор, в конечном счёте, определяет не только стиль жизни субъекта, но и возможные результаты его деятельности. Для реализации себя в истории субъекту необходимо трансцендировать – выйти за пределы тех границ, которые заданы имманентными условиями его существования.

*Ключевые слова:* субъект истории, границы, своё, чужое, имманентное, трансцендентное.

**A. Vinogradov***Murmansk State Humanities University***BORDERS AS FACTORS AFFECTING THE ACTIVITY  
OF THE AGENT OF HISTORY**

*Abstract.* The article considers the activity of the agent of history in terms of the conditions that are determined by borders. Each agent acting in history is forced to pose himself in relation to the phenomena divided by borders. This choice of position determines not only the agent's way of life but also possible results of their activities. To realize himself in history the agent has to transcend, to cross the borders determined by the immanent conditions of his existence.

*Key words:* agent of history, borders, one's own, another's, immanent, transcendent.

Утверждение о наличии границ в жизни любого субъекта (как индивидуального, так и коллективного) – это одно из самых банальных утверждений, которые только можно себе представить. Границы пронизывают жизнь человека и общества. Не нужно обладать особой пронизательностью для того, чтобы в качестве наиболее фундаментальной границы, с которой, прежде всего, сталкивается каждый субъект, назвать границу между бытием и небытием. Она конкретизируется во времени и пространстве в виде временной и пространственной ограниченности существования любого субъекта. (В гносеологическом аспекте она проявляется в виде переходов между памятью и забвением.) Само упомянутое выше разделение субъектов на два принципиальных типа – индивидуальный и коллективный – представляет собой следующую границу: она проходит между человеком, взятым как отдельный, далее уже не делимый участник исторического процесса, и теми коллективными образованиями, в которые он вовлечён в качестве их составной части. Далее нужно назвать границу между объективным и субъективным. Утверждение того, что субъект всегда включён в объект,

не снимает проблему. Субъект, как в деятельном, так и в познавательном отношении, нуждается в ясном различении феноменов своего сознания и того, что находится за их пределами. Без осознания этой границы человек попадает в ситуацию, изображённую в фильме «Игры разума», когда Джон Нэш в прекрасном исполнении Рассела Кроу утрачивает ощущение разницы между своим воображением и реальностью.

Продолжать этот список не имеет смысла. От того, что мы назовём ещё два или три десятка физических или ментальных границ, характеризующих жизнь субъекта, ничего существенно не изменится. Практически каждый из видов границ находится в центре внимания какой-нибудь из конкретных областей знания или деятельности (так, медицину интересует граница между нормой и патологией, религию – граница между физическим и духовным мирами, географию – граница между материком и океаном и т. д.). Для философского подхода достаточно исходить из принципиальной констатации пограничности существования любого субъекта (при этом неважно, идёт ли речь о границах между людьми, государствами или о разграничениях внутри представлений человека о мире). С философской точки зрения гораздо интереснее выявить механизм влияния самой ситуации пограничности на субъекта, определить возможные альтернативы действий субъекта, неизбежно находящегося в пограничной ситуации, и проанализировать имеющиеся у субъекта основания для выбора тех или иных из этих альтернатив.

Для выполнения указанной задачи сначала необходимо ответить на во-

прос, какова природа границы, независимо от её видового многообразия. Сущность границы заключается в том, что она фиксирует прекращение одного предмета или процесса и начало другого. Так, граница между жизнью и смертью фиксирует прекращение функционирования организма и начало его разложения. Государственная граница фиксирует прекращение действия юридических законов одного государства и начало действия законов другого государства. Это показывает, что в одинаковой степени быть по обе стороны от границы невозможно. Сама граница – это неопределённость. Недаром государственная граница, как правило, сопровождается нейтральной полосой на земле или нейтральными водами на море. Граница – это только возможность оказаться по ту или другую сторону от неё. После неё наступает качественная определённость.

Любой субъект изначально и неизбежно помещён в это объективное условие, задаваемое границей – всегда одновременно быть только с одной её стороны (в лучшем случае – в ситуации временной неопределённости, когда субъект находится в процессе выбора одной из сторон). Но, поскольку речь в нашем исследовании идёт о действующем и сознающем субъекте (в силу того, что без деятельности и её осознанности нельзя вообще говорить о субъекте как таковом), то к этому объективному условию необходимо добавить ещё его оценку со стороны субъекта. Вполне естественно, что в этой оценке феномен границы также проявляет свою сущность. Он реализуется в том, что субъект оценивает всё разделённое границей с помощью

оппозиции также пограничных категорий «своё» – «чужое» [3].

Таким образом, механизм участия границы в деятельности субъекта складывается из объективно задаваемой сущности самой границы и оценочным отношением субъекта к тому, что она разделяет. Самый интересный элемент в этом механизме, конечно, субъективный, так как он не задан заранее и через него раскрывается характер того, кто действует. В частности, категориальная пара «своё – чужое» может получать разные толкования, зависящие от отношения к ним субъекта. Эти категории не имеют жёстко закреплённой коннотации: позитивной и негативной соответственно. Субъект, например, может негативно относиться к «своему» и позитивно к «чужому». Подобно этому и граница может рассматриваться им либо как досадный барьер, мешающий его стремлению к реализации своей мечты, либо как необходимый рубеж обороны, позволяющий ему сохранить собственные интересы.

Категории, в которых происходит осмысление пограничных явлений, выполняют важную функцию: они приносят в рассмотрение этих явлений идею их противоположности, даже в том случае, если они вне отношения к ним субъекта противоположными не являются. На основе этнографических данных можно предположить, что разделение на единство противоположностей «своего» и «чужого» – это одна из самых фундаментальных интуиций человечества. Идентификация себя первобытными людьми с племенем, скажем, *Медведя* необходимо сопровождалась осознанием того, что люди из племени *Оленя* другие и характер их жизни в чём-то противоположен ха-

рактеру жизни людей своего племени. Этот характер может вызывать интерес или порицание, но главное – «они» не такие, как «мы».

Таким образом, наличие противоположностей – это одна из важнейших характеристик тех условий, в которые помещён любой субъект истории. Как мир вокруг него, так и его собственное представление об этом мире всегда неизбежно содержат противоположные стороны. Ситуация осложняется ещё и тем, что оценка этих противоположностей динамична, она не задана раз и навсегда, но может изменяться вследствие действия внутренних или внешних по отношению к субъекту причин. Каждый человек не раз в течение своей жизни убеждается в правоте гераклитовского прозрения, когда он видит, как вдруг начинают одобрять то, что ещё совсем недавно порицалось или, к примеру, слышит, как журналисты рассказывают нечто, прямо противоположное сути тех событий, в которых он сам принимал участие.

Итак, **граница** – это некая «нулевая точка» или «ничейная земля», это момент неопределённости, безличия. Но одна из особенностей человека заключается в том, что он не может и не хочет жить в состоянии неопределённости. Он говорит: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца». А для обретения определённости он должен ступить на ту или другую сторону от границы и тем самым попасть в ситуацию противоположности: что-то принять как «своё» и, значит, отнести к тому, что в результате оказывается за границей «своего», как к «чужому». Подобная ситуация не просто придаёт деятельности субъекта истории общий фон, но создаёт «поля напряжения», непо-

средственно влияющие на его жизнь. В онтологическом отношении эти поля напряжения определяют полюса возможных альтернатив деятельности находящихся в них субъектов истории. А в гносеологическом отношении – полюса тех альтернатив, в которых может осуществляться их понимание. Таким образом, субъект, и действуя в истории, и познавая её, всегда оказывается в пограничной ситуации, на границе, проходящей между противоположными сторонами, пронизывающими как его жизнь, так и его познание. С одной стороны, он вынужден постоянно определяться, на какой стороне границы ему быть, а с другой стороны – постоянно позиционировать себя относительно тех противоположностей, которые разделены этой границей. И этот выбор субъекту часто приходится делать в ситуации давления, когда его с разных сторон границы предупреждают: «Кто не с нами, тот против нас!».

Термин «поле напряжения», на наш взгляд, позволяет, с одной стороны, отразить одну из важнейших причин динамизма исторического процесса, а с другой стороны, раскрыть трагический характер существования субъекта истории, вынужденного постоянно делать нелёгкий выбор между одним из противоположных полюсов. Теперь обратимся к вопросу о том, каковы условия и основания подобного выбора.

Поскольку мы рассматриваем феномен границы в самом широком и наиболее принципиальном смысле, то при этом не обойтись без двух философских категорий, также содержащих в себе идею пограничности – *имманентное* и *трансцендентное*. Они нужны нам для того, чтобы отличить подлинное положение дел от представления о нём. За

обоими понятиями тянется длинный шлейф различающихся толкований. Но для рассматриваемой нами темы достаточно исходить из их наиболее общего значения, проистекающего из этимологии этих слов. В таком случае, под *имманентным* (от лат. *immanens* – «пребывающий внутри») будем иметь в виду то, что внутренне присуще природе рассматриваемого явления и что не имеет оснований в чём-то внешнем, а под *трансцендентным* (от лат. *transcendens* – «выходящий за пределы») – то, что имеет иную, внешнюю по отношению к данному явлению природу, для объяснения которой необходимо выйти за его границы.

В продолжение рассуждения считаем необходимым определить, каково соотношение категориальных пар «имманентное – трансцендентное» и «своё – чужое». Первая пара носит преимущественно онтологический, а вторая – преимущественно гносеологический характер. Имманентное и трансцендентное отражают подлинную природу рассматриваемого явления, в них фиксируется, являются ли те или иные характеристики данного явления внутренне ему присущими или они порождены внешними по отношению к явлению факторами. А в понятиях «своё – чужое» отражается то, как эти явления оценивает конкретный субъект (под ним в нашем рассуждении имеется в виду и отдельный человек, и любая, выделенная по определённому признаку группа людей). Причём между понятиями, входящими в эти пары, нет жёстко закреплённого отношения, но они вполне могут меняться местами. Например, имманентное совсем не обязательно должно восприниматься субъектом

как «свое», но может представляться ему «чужим», а трансцендентное, наоборот, – «своим». Для субъекта истории по тем или иным причинам может быть совершенно неважно, являются ли условия его деятельности подлинно имманентными или трансцендентными, а важно то, какими они ему представляются. Именно это обстоятельство и имеет, в конечном счёте, решающее значение для деятельности любого субъекта. Так, для искренне верующего человека (в отличие от неверующего) трансцендентная по отношению к нему реальность представляется «своей», близкой, неотделимой от его сущности. Или целый народ может увериться в том, что все его проблемы и беды, на самом деле порождённые характером его жизни, имманентные ему, якобы являются следствием злых происков какого-то совсем другого народа или внешнего заговора. Как показывает история, этот удобный способ объяснения всех неудач ссылками на внешнего врага с большим успехом многократно использовался и продолжает использоваться в настоящем.

В качестве промежуточного итога можно отметить, что пограничные ситуации оказывают влияние на деятельность субъекта истории через механизм сочетания объективно задаваемых имманентных и трансцендентных условий, с одной стороны, и характером их восприятия субъектом, с другой стороны. Здесь возможны два принципиальных варианта:

- 1) имманентное = своё, трансцендентное = чужое;
- 2) имманентное = чужое, трансцендентное = своё.

Каждый из этих вариантов определённым образом характеризует по-

зиционирование субъекта истории относительно тех или иных границ (материальных или виртуальных). Из их сочетания рождается причудливая картина исторической жизни различных субъектов. При этом сочетания категорий, представленные выше – это не просто некие теоретически допустимые варианты. Субъект всегда имеет принципиальную возможность выбирать в качестве «своих» или «чужих» как имманентные, так и трансцендентные характеристики явления, в отношении которого он себя позиционирует. Совершенно очевидно, что невозможно (и не нужно) дать какие-то универсальные рецепты для, так сказать, «правильного» позиционирования субъекта. Но мы можем на самом общем концептуальном уровне рассмотреть следствия, вытекающие из того или иного выбора субъекта.

Вначале рассмотрим первый вариант сочетания рассматриваемых категорий. Этот вариант отличается тем, что он основан на внешне вполне очевидных интуициях, ориентирующих на восприятие субъектом в качестве «своего» того, что ему внутренне присуще и в качестве «чужого» того, что имеет внешнее по отношению к этому субъекту происхождение. Выбор подобного варианта обещает очень выгодные следствия, как для деятельности субъекта в истории, так и для его представлений об историческом процессе. Причина этого заключается в самом характере имманентного. В силу того, что оно исходит из «посюстороннего», близкого и доступного для субъекта, имманентное представляется субъекту рационально объяснимым и принципиально доступным для понимания (однако такой подход может

быть лишь результатом рационализации действительности со стороны субъекта, который часто привносит в неё больше порядка, чем есть на самом деле). В результате, принятие субъектом имманентных явлений в качестве «своих» (соответственно, трансцендентных – как «чужих») органично связано с его стремлением к упорядоченности представлений о мире, а также к обоснованности и определённости в поведении. Из имманентизма проистекает высшая ценность рационального объяснения и действия по заранее разработанному плану. Исторический процесс предстаёт здесь как порождаемый вполне очевидными причинами и протекающий в соответствии с непреложными законами.

Ориентация субъекта на трансцендентные явления, принятие их как «своих» (и, соответственно, имманентных как «чужих») даже по одному своему определению – «запредельные», «потусторонние» – изначально не может исходить из рационального объяснения. Место очевидных для субъекта причин и понятных ему законов должно занять что-то совершенно иное. Эту роль берут на себя ценности, которые не только предшествуют познанию исторических явлений, но и заменяют собой их объяснение. Это совершенно не означает, что ценностные моменты отсутствуют в первом подходе. Но там они играют не столь важную роль, они находятся как бы в тени, создаваемой объективными факторами исторического процесса. В самом деле, если рассматривать историю как развёртывание имманентно обусловленных потенций действительности, то оценки, даваемые этому процессу со стороны субъектов, могут лишь выразить их

отношение, но не изменить характер самого процесса. Очевидность претендует на ценностную самодостаточность. Но при ориентации на трансцендентное очевидность значительно снижается, если не исчезает полностью. Такая ориентация связана с поиском нового, неизвестного, она помещает субъекта в ситуацию действия в условиях неопределённости. Зыбкие контуры трудноуловимых образов запредельного требуют какой-то иной опоры, чем рациональное знание. На эту потребность откликаются ценности. Именно они придают изучению этих явлений достоверность и являются основой их познания.

За каждым из рассматриваемых вариантов стоит определённый тип объяснения исторических явлений, разграниченных между собой отношением к имманентному и трансцендентному. Если для имманентизма поступки субъектов истории выглядят как стремление к достижению практически значимых для них индивидуальных или коллективных целей, то трансценденталистский взгляд рассматривает всё это как бесполезную суету. Он обращён к совершенно иному плану исторического процесса, в котором действия субъектов истории определяются целями, превосходящими возможности понимания самих субъектов. В этой сфере действуют иноприродные принципы духа, недоступные для рационального объяснения, а постигаемые верой, интуицией, мистическим озарением и другими аналогичными им способами трансцендирования.

Представляет ли собой выбор одного из этих вариантов только лишь вопрос вкуса того, кто пытается понять

условия деятельности субъекта истории, или за подобным выбором кроется гораздо более глубокая подоплёка? Думаем, что ближе к истине находится второе утверждение. Вариант имманентизма выбирает тот субъект, который связывает свою деятельность с решением практически полезных и обоснованных с точки зрения понятной ему действительности задач. Такой субъект стремится к верифицированности своих представлений, а границу между имманентным и трансцендентным воспринимает как необходимый рубеж обороны от вторжения ненадёжных и недостоверных знаний. Этот вариант предпочтёт утилитарист или общество, уставшее от попыток реализации недостижимых идеалов. На второй вариант ориентируется субъект, для которого ценнее не извлечение собственной выгоды, а торжество высшей идеи. Блеск идеала для него не померк. Этот блеск ещё больше оттеняется несовершенством чуждой, возможно даже невыносимой для него имманентной действительности, которая для него вполне естественно отграничивается от области совершенного, сакрального.

Понимание деятельности субъекта истории на основе имманентных ему характеристик на первый взгляд выглядит очень привлекательным. Субъект при этом внешне представляется самодостаточным и свободным в своей деятельности, так как он определяет достигаемые им цели из того, что свойственно ему самому, из родной и близкой к нему действительности. Соотнесение субъекта истории с трансцендентными явлениями в первом приближении вызывает гораздо больше вопросов и возражений. Оно как будто порождает представление

о его зависимости от каких-то внешних самому субъекту, чужих для него факторов. Возникает образ странного идеалиста, человека «не от мира сего», погружённого в мир фантазий. Особенно странно это выглядит когда речь идёт не об отдельном человеке, а о коллективном субъекте. Однако логика развёртывания каждого из этих подходов в конечном итоге демонстрирует их сложность и неоднозначность, в результате чего нередко обнаруживаются выводы, прямо противоположные тем, которые можно было бы сделать, опираясь лишь на поверхностное понимание этих категорий.

Достаточно вспомнить попытку Огюста Конта, стремившегося освободить научный поиск от познания «сущностей» изучаемых явлений. Но очень привлекательная поначалу идея о том, чтобы все научные знания стали позитивными, точными и достоверными, так как они основаны на совершенно очевидных и не вызывающих сомнения фактах, на деле оказалась нереализованной. Объясняется это тем, что при подобном подходе наука сводится к описательному изучению внешней стороны действительности, и в результате познание останавливается, так сказать, на её пороге, не проникая внутрь самой действительности. Эта неудача позитивизма заставляет говорить о том, что для познания мира, кроме фиксации и обобщения фактов, требуется ещё нечто, что не проистекает из изучаемых фактов, а привносится в них извне. Недаром ещё Иммануил Кант писал о том, что у разума есть неистребимая жажда «стать твёрдой ногой где-то за пределами опыта» [1, с. 655].

Позиция Канта вообще очень интересна для рассматриваемой нами

темы. Такой почвой, на которой разум может «стать твёрдой ногой за пределами опыта», для него был моральный закон. Он служил образом трансцендентного в имманентном мире. Кант писал: «... моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы и даже от всего чувственно воспринимаемого мира, по крайней мере поскольку это можно видеть из целесообразного назначения моего существования через этот закон, которое не ограничено условиями и границами этой жизни» [2, с. 499]. Здесь Кант, по сути, постулирует трансцендентный характер морали. Но из принципиального стремления философа оставаться в границах рационального знания вытекало его представление о реализации моральных норм через вполне рациональное понятие долга. Таким образом, долг играл у Канта роль своеобразной границы, в пределах которой только и может функционировать трансцендентный (и в этом качестве недоступный для человека) моральный закон.

Но в истории мысли были и учения, в которых деятельность субъекта напрямую связывалась с трансцендентными явлениями. Пожалуй, самый яркий пример подобного рода – это учения, возникшие в конце XIX – начале XX вв. в рамках русской религиозной философии. Её представители считали, что субъект истории для своей реализации должен преодолеть границы своей имманентности и совершить прорыв к трансцендентному. Так, согласно В.С. Соловьёву, цель истории – это Царство Божие, которое он понимает как «установление совершенного нравственного порядка, осуществляемого новым человечеством» [4, с. 279]. Выполнение такой задачи отличается

исключительной сложностью. Когда субъект действует, не оправдывая свои поступки влиянием объективных обстоятельств, опираясь только на трансцендентные цели и ценности, то будущее в гораздо большей степени предстает перед ним как нечто чуждое и пугающее, таящее в себе и возможные приобретения, и трагические потери. Это будущее большей частью неподвластно ему. В его власти только следование трансцендентным принципам, нередко противоположным всему, с чем субъект имел дело в имманентном ему мире. И субъекту подчас надо иметь настоящее мужество для того, чтобы действовать в такой обстановке. Но только таким путём он может получить самостоятельную роль на исторической сцене и стать в полном смысле субъектом истории. Он вынужден преодолевать те или иные границы, постоянно трансцендируя за пределы уже освоенной им, и в этом смысле ставшей частью его, реальности. В этой связи можно сказать, что сущность исторической жизни любого субъекта (именно в качестве активного начала истории) раскрывается в процессе этого преодоления.

#### ЛИТЕРАТУРА:

1. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
2. Кант И. Критика практического разума // Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. I.
3. Сауткин А.А. Граница как механизм идентичности и конкретно-исторические параметры идентификационных контуров // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2014. № 3. С. 89–97.
4. Соловьёв В.С. Оправдание добра // Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1